

Владимир Лякин

КАВАЛЕРИЙСКИЕ БОИ У МИРА И РОМАНОВО В ЗАПИСКАХ ПОЛЬСКОГО ОФИЦЕРА ПЕТРА ЛАГОВСКОГО

Человек, о котором пойдет речь, не был профессиональным историком или литератором, это был землевладелец и воин, горячий патриот своей Отчизны. Петр Лаговский родился в 1776 г. в местечке Зудниковичи на Волыни, в многодетной семье бывшего офицера артиллерии армии Речи Посполитой. Он рано лишился отца, который за участие в деятельности тайной антиправительственной организации был сослан царским правительством в Сибирь, где и умер.

В 1792 г. 16-летний юноша ушел из дому, вступил рядовым во 2-ю Малопольскую кавалерийскую бригаду Речи Посполитой и участвовал в ряде боев этой кампании. В восстании Костюшко он уже офицер, осенью 1794 г. за проявленную в боях доблесть произведен в капитаны. После поражения восстания избежал репрессий, осел в имении Барбаров (предположительно в Мозырском повете Минской губернии), где арендовал земельный участок. Но когда после разгрома Пруссии наполеоновские войска дошли до Вислы, 30-летний хлебороб вновь стал солдатом: нелегально пересек границу и весной 1807 г. вступил в новосформированную польскую кавалерию. Петра Лаговского в звании капитана назначили командиром 5-й кампании (роты) 3-го эскадрона 2-го уланского полка. Во время войны 1809 г. с Австрией он участвовал со своим полком в сражении при Рашине и боях под Сандомиром. В русском походе отличился в боях под Миром, Романово, Бобруйском и на Березине.

Сохранился датированный октябрём 1812 г. рапорт командира 28-й бригады легкой кавалерии Д. Дзевановского заместителю во-

енного министра Герцогства Варшавского графу И. Вильегорскому, в котором давалась высокая оценка боевым качествам этого офицера. «Не раз Ваше Превосходительство, — говорится в нем, — несмотря на добросовестную службу, отказывали в повышении капитану Лаговскому, который является одним из самых старых капитанов в армии; уже несколько раз его обходили по службе, невзирая на его способности, таланты и подлинные заслуги».

Наверное, благодаря ходатайству этого генерала, берегшего своих солдат и любимого ими, Петр Лаговский в январе 1813 г. получил следующий чин шефа эскадрона. В боях на земле Польши и Германии он командовал уже отдельным кавалерийским подразделением, с которым дошел до крепости Виттенберг и находился здесь в осаде. После капитуляции гарнизона в конце декабря 1813 г. в плену, по окончании войны вернулся на родину и был зачислен шефом эскадрона в полк конных егерей Королевства Польского.

Служил недолго, вышел в отставку и вернулся к отцовской пахне на Волынь. Будучи убежденным противником царизма, в 1821 г. примкнул к тайной революционной организации «Патриотическое общество», ставившей целью восстановление независимости Речи Посполитой. Более того, он даже стал одним из ее руководителей и на киевских контрактных ярмарках в 1823–1824 гг. от имени польских революционеров вел тайные переговоры о взаимодействии с будущими «декабристами» М. Бестужевым-Рюминым и С. Муравьевым-Апостолом. Жандармы шли по его следу, и вскоре П. Лаговский был заточен в подземелье политической тюрьмы бывшего монастыря Кармелитов в Варшаве. Оттуда он был освобожден восставшими в ноябре 1830 г., вновь храбро сражался в рядах польской армии, а после подавления восстания эмигрировал во Францию.

Очевидно, он сумел сохранить какие-то дневниковые записи, относящиеся к временам похода Наполеона в Россию, на основе которых уже на исходе жизни составил автобиографические «Записки Петра Лаговского о войне 1812 г. на Литве». После кончины ветерана в 1843 г. рукопись каким-то образом попала в запасники библиотеки Варшавского университета, где и была почти век спустя случайно обнаружена одним из польских историков. Единственное издание записок (37 страниц небольшого формата на польском языке) состоялось в Вильно в 1936 г. В Национальной библиотеке Беларуси имеется их ксерокопия.

Записки охватывают период с 15 апреля по 18 декабря 1812 г. и

в некоторых местах, где память подвела ветерана, не совсем хронологически точны. Они имеют вид дневника и весьма фрагментарны, за исключением более подробного описания боев у Мира и Романово, видимо, очень памятных автору. Эти бесхитростные, без литературных изысков, воспоминания солдата дают нам сегодня возможность еще с одного ракурса увидеть поистине эпическую картину того великого военного противостояния, что случилось на нашей земле два века назад.

2-й польский уланский полк входил в состав 28-й легкой кавалерийской бригады 4-й кавалерийской дивизии 4-го корпуса кавалерийского резерва «Великой армии». Номинально командиром полка числился полковник Л. Пац, но к началу боевых действий он еще не успел принять полк и в бою под Миром им командовал майор Я. Пясецкий. В полку было три эскадрона, в каждом — две роты («кампании»). 3-м эскадроном (5-я и 6-я роты) командовал шеф эскадрона К. Ржуховский. В 5-й роте капитана П. Лаговского насчитывалось 120 сабель. Это была молодежь, поляки и украинцы из Галиции, большей частью добровольцы, смелые и стойкие в бою.

Запись, датированная 9 июля, гласит: «29-я бригада генерала Турно настигла арьергард Платова у деревни Пасечно. Там после двухчасового боя наши погнали противника до местечка Мир и далеко за местечко. Разве не довольно было занять местечко, а разъездам следить за противником? Этот шаг был неверным и непродуманным со стороны командования, и принес только потери. Донцы своим любимым приемом заманили неосторожных, сблизилась со своим корпусом, а наши, догоняя, отделились от своей бригады. Генерал Турно прошел со своей бригадой село и плотину за селом, как вдруг несколько донских полков выгнали наших за местечко Мир и гнали два наших эскадрона в беспорядке по дороге к Пасечно. Генерал Турно, видя беспорядочное отступление эскадронов, поднявшуюся по обе стороны дороги пыль, не успел своевременно занять плотину, и отступавшие в беспорядке эскадроны увлекли за собой всю бригаду. Двух командиров, отступавших от Мира (в примечании сказано, что это были офицеры Я. Суминский и А. Радзиминский) взяли в плен, они стали жертвой своего боевого запала. Бригада потеряла многих пленными».

Запись за 10 июля гораздо обширнее и подробнее. П. Лаговский перечисляет все полки своей дивизии и занимаемые ими перед боем позиции, производившуюся польским авангардом в первой полови-

не дня разведку боем. «В 3-м часу пополудни», — пишет он, — «прибыл Платов и с ним 2 полевых орудия, которые произвели несколько выстрелов по 7-му уланскому полку. Этот мужественный полк стоял без движения, но выстрелы эти были сигналом для всех полков Платова начать наступление». Мемуарист детально описывает наблюдавшуюся им картину казачьих атак и польских контратак, распоряжения начальников, не скрывая своего резко негативного отношения к командиру дивизии генералу А. Рожнецкому. Это естественно — перейдя после наполеоновских войн на царскую службу, тот жестоко преследовал своих бывших товарищей по оружию, чем заслужил всеобщую ненависть и презрение.

Один из абзацев посвящен драматическому для поляков эпизоду, когда после флангового удара казачьей бригады Д.Е. Кутейникова их боевые порядки смешались, и началось всеобщее отступление к Миру. В этот момент командир 3-го эскадрона К. Ржуховский в суетолоке боя оказался в стороне от своего подразделения, и командование взял на себя П. Лаговский. «4-я рота 2-го эскадрона, — вспоминал он, — ходила без строя и навела неприятеля на 3-й эскадрон 2-го полка, стоявший во взводных колоннах. Тогда капитан Петр Лаговский (мемуарист пишет о себе в третьем лице) приказал остаткам 4-й роты уходить за 6-ю роту и занять там строй, а сам ударил своей развернутой ротой по казачьей орде. И еще раз атаковал, уже при поддержке 6-й роты, что дало время слева от него выстроиться 7-му и 11-му полкам, а справа — 15-му и 16-му, которые уже в относительном порядке смогли отступить до самого местечка Мир. 3-й эскадрон уходил свободным шагом, он мужественно отражал все нападения врага и отомстил за своих. Вместе с мужественным командиром 6-й роты капитаном Иосифом Зелинским он (Лаговский — В.Л.) при каждом повороте покрывал поле неприятельскими телами».

Действия эскадрона удостоились похвалы мужественного генерала М. Латур-Мобура: «Эта битва осталась памятником мужеству ее участников и принесла вечный позор начальнику (Рожнецкому — В.Л.), который, потеряв самообладание при виде неприятеля, не проявил в своих распоряжениях даже капральских способностей. Наша потеря составила в этот день с убитыми и пленными до 800 человек. Сам Рожнецкий отъехал, что можно скорее назвать бегством. В полутора милях от поля боя, за местечком Мир, в тылу, он сказал командиру кавалерийского эскадрона такие позорные слова: «От-

правь, командир, одного жолнера, который бы узнал, что стало с поляками».

В записи за 12 июля рассказывается, как генерал М. Латур-Мобур (командир кавалерийского корпуса) вызвав к себе капитанов П. Лаговского и И. Зелинского, поинтересовался, кто из них фактически командовал эскадром и пообещал награду от императора за проявленную в бою доблесть. Действительно, И. Зелинский получил золотой крест «Виртути милитари» (*Virtuti Militari – Ред.*), а вот П. Лаговского из наградного списка кто-то вычеркнул, скорее всего – нелюбимый им А. Рожнецкий.

Повествуя о бое при Романово, автор пишет: «Между первой и второй корчмой 1-й эскадрон конных егерей ударил на донцов, и, как показалось, счастливо их отогнал, но одновременно отдалился от полка, подвергся нападению из засады и отступил, не выдержав удара. Часть полка пришла ему на помощь, но эскадрон был разбит окончательно. Генерал М. Латур-Мобур подоспел со всеми полками легкой кавалерии, тремя кирасирскими полками и двумя полевыми орудиями, отогнал неприятеля в Романово, перед которым атаман Платов приказал сжечь мост. «С обеих сторон началась артиллерийская стрельба, продолжавшаяся полчаса. С нашей стороны было ранено 18 человек из эскорта генерала, (...) в этом деле генерал Латур сам наводил орудия».

Описание боев у Мира и Романово — почти единственные батальные сцены в записках П. Лаговского. Он был скромным человеком, свои заслуги особо не афишировал. В этом отношении характерна запись от 10 сентября: «5-я рота 2-го уланского полка под командованием капитана Лаговского и две роты вольтижеров 14-го пехотного полка пошли дорогой до двора Панюшкевичи, что на тракте к Бобруйску». И ни слова об упорной схватке за этот фольварок с казачьим отрядом из состава русского гарнизона Бобруйской крепости. О том, что бой был, и в нем особо отличился капитан П. Лаговский, известно из других источников, в частности, исследования польского историка второй половины XIX в. Ю. Крашевского. Интересно, что в Панюшкевичах, в семье арендатора этого казенного имения, за три года до войны родился знаменитый впоследствии белорусский поэт, драматург и театральный деятель Винцент Дунин-Марцинкевич. Неясно, был ли малыш с родителями в это время в самом фольварке (отряд П. Лаговского удерживал его более недели, отбив несколько русских атак), или, скорее всего, за стенами

крепости.

В своих записках П. Лаговский называет имена своих товарищей-офицеров, а также подчиненных: подпоручик Рокоссовский, сержант Оражевский, рядовые Лада и Сташук. Встречаются интересные факты и эпизоды военного быта. Так, в записи от 17 мая подробно перечислены офицерский, подофицерский и жолнерский рационы на военное время. Из нее видно, что всем известные «фронтовые наркомовские» не были новостью от маршала К. Ворошилова, а задолго до него в количестве тех же 100 грамм водки ежедневно выдавались каждому польскому улану. Запись от 15 августа рассказывает, как в полку праздновали день рождения императора Наполеона: «Лагерь был в поле у леса (возле Старого Быхова). (...) Официальная церемония была назначена на утреннюю зарю. (...) Вечером все было иначе. На опушке леса разожгли костер из хорошо уложенных смолистых дров, а в самом лесу на ветках повесили светильники, где вместо свечей горела смола. Еще срезали верхушки некоторых сосен и на них установили такие же светильники, которые зажгли с помощью пороховых шнуров. Эти огни давали так много света, что их было видно, наверное, за 2 или 3 мили».

Последняя подробная запись, после чего известия становятся совсем фрагментарными, относится к 4 ноября. Тогда капитан и его боевые товарищи наблюдали редкое природное явление, воспринимавшееся как предвестник больших несчастий. «К вечеру, — пишет П. Лаговский, — установилась сухая морозная погода без ветра. Около 23 часов в небе показался метеор, падавший с неба в виде груши; казалось, он длинной до полутора пядей, а шириной до малого талера; от него исходил такой сильный свет, что кони всего полка затихли; были видны далеко стоявшие леса, стога и скирды на полях. Полет метеора длился с минуту, или немного более».

События 1812 г. воспринимались моим поколением в значительной степени по романтическим произведениям писателей и поэтов XIX в. Прекрасным образцом этой литературы является поэма Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Известно, что Петр Лаговский и Адам Мицкевич были знакомы и сотрудничали в эмиграции, ветеран информировал поэта о деятельности польских тайных обществ и о военных событиях, в которых лично принимал участие. Некоторые исследователи полагают, что именно А. Мицкевич посоветовал П. Лаговскому оформить в письменном виде свои воспоминания и, возможно, именно с его архивом эта рукопись вернулась на родину.

Замок Горешков из знаменитой поэмы, как уже давно установили исследователи, Адам Мицкевич списал с Мирского замка. Прообразом Графа стал К. Пржеждецкий, настоящий, кстати, граф, командир 18-го уланского полка ВКЛ. А самого Тадеуша поэт сделал в 1812 г. уланским офицером. И кто знает, возможно, прообразом этого удальца был капитан Петр Лаговский.

Литература и источники

1. Война 1812 года: Военное искусство, военно-экономическое противоборство, гуманитарные аспекты. Мат-лы междунар. воен.-ист. конф. Минск – Борисов, 2008.
2. Власов В. А. Расписание французской армии на начало Отечественной войны 1812 года. М., 2007 (на правах рукописи).
3. Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Krakow – Warszawa, 1912.
4. Kraszewski J. Pamiętniki wojenne. 1792–1812. Drezno, 1871.
5. Staszewski J. Pamiętnik Piotra Łagowskiego o wojne 1812 r. na Litwie. Wilno, 1936.